

© 2005 г.

Е.С. БАЛАБАНОВА

Экономическая зависимость женщин: сущность, причины и последствия

БАЛАБАНОВА Евгения Сергеевна – кандидат социологических наук, докторант факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Экономическая независимость женщины является одним из ключевых показателей ее статуса в обществе, определяя степень ее индивидуальной свободы в публичной и приватной сферах. Напротив, экономическая зависимость исключает женщину от важнейших ресурсов общества, обуславливает меньший объем доступных ей прав и возможностей. Великая социальная трансформация XX века – массовый выход женщин на рынок труда – создала условия для достижения женщинами их экономической независимости, обнаружив, однако, при этом глубину культурно обусловленного гендерного неравенства, воспроизводящего зависимость женщин в публичной и приватной сферах жизни.

Социально-экономическая зависимость характеризует отношения по поводу получения необходимых для жизнеобеспечения ресурсов. Отношения власти и зависимости возникают, когда: провайдер (provide – снабжать, обеспечивать) обладает монополией на жизненно важные для зависимого ресурсы; последний же не является уникальным поставщиком необходимых для провайдера ресурсов, то есть является для него заменимым. Отношения обмена в этом случае носят неэквивалентный характер, осуществляются по схеме «донор-реципиент». Чем выше зависимость реципиента, тем меньше у него возможностей выйти из неблагоприятной ситуации, и изменить ее в своих интересах, то есть вступить в

Статья подготовлена по результатам исследования, проведенного при финансовой поддержке фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (грант № 03-77876-000-GSS). «торг» за ресурсы и права [1], тем большей потенциальной властью обладает провайдер, получая возможности манипулировать зависимым, используя угро-

зы прекращения доступа к ресурсам (власть-принуждение) либо обещания расширить доступ к ним (власть-торг). Провайдер-монополист имеет основания рассчитывать на лояльность зависимого, формирует у него комплекс моральных обязательств перед собой, воздействуя тем самым не только на поведение зависимого, но и на его личность, убеждения и ценности (власть-авторитет).

Эмпирическое исследование социально-экономической зависимости женщин в рамках настоящего проекта опиралось на два типа данных. В октябре-ноябре 2003 г. методом личного стандартизованного интервью проведен массовый репрезентативный опрос населения Нижнего Новгорода. Выборка включала 878 жителей города трудоспособных возрастов (женщины 18-54 лет и мужчины 18-59 лет), попавших в нее методом случайного отбора по месту жительства. Женщины составили 432 человека (49% выборки), мужчины – 446 (51%). Выборка репрезентирует жителей города указанных возрастов по полу и возрасту. В процессе анализа построены индексы зависимости респондентов от трех провайдеров: в публичной сфере – работодателя и государства, в приватной – от членов семьи. В мае-июне 2004 г. проведены углубленные интервью с женщинами, набравшими наивысшие значения каждого из трех индексов зависимости. Всего по всем трем группам было проведено 32 углубленных интервью. Ниже приведены основные результаты анализа эмпирических данных, основанного на четырех компонентах концепции социально-экономической зависимости.

Зависимость от работодателя

Женщины составляют 66% зависимых работников (работающих по найму респондентов с наивысшим значением индекса зависимости от работодателя). Мужчины же, напротив, преобладают в группе независимых работников (62%).

Монополия работодателя на ресурсы. Отсутствие или малое количество у работника альтернатив своего трудоустройства в условиях крупного города обусловлено его низкой конкурентоспособностью, а также субъективным вос-

приятием себя зависимым – убежденностью, что ему «некуда идти». В этом случае работник заведомо ограничивает свои возможности и всеми силами будет держаться даже за не устраивающую его работу. Не случайно среди работников с высоким значением индексом зависимости значительно больше не удовлетворенных своей работой, чем среди независимых (не удовлетворены своим рабочим местом 42% зависимых и всего 6% независимых женщин). Зависимые выше оценивают вероятность потери ими своей нынешней работы и менее уверены, что смогут найти работу не хуже той, которую они имеют сейчас.

Заменяемость работника. Заменяемым для работодателя является работник, с подготовкой, наймом или увольнением которого связаны относительно низкие транзакционные издержки. Такая ситуация характерна для работников, занятых выполнением стандартизованных задач, не требующих длительной подготовки, уникальных умений и не связанных с высоким уровнем ответственности. Таким образом, работник значительно сильнее дорожит своим рабочим местом, чем работодатель заинтересован в нем. Наивысшее значение индекса зависимости наблюдается среди «заменяемых» работников, наименее конкурентоспособных на рынке труда. 52% зависимых женщин составляют рабочие; среди них наивысшая доля работников с самым низким уровнем образования. Медианный возраст зависимых женщин составляет 44 года, независимых – 33.

Характер обмена по схеме «донор-реципиент». Сущность этих отношений в том, что работник получает большее количество благ, чем то, на которое он может реально заработать. Речь идет о феномене *патернализма* – симбиотических отношениях работника и предприятия, когда работник получает по месту работы важные незарплатные блага, которые он не может получить где-то еще. К социальным льготам, удерживающим женщин на их малооплачиваемых рабочих местах, относятся: материальная поддержка; содержание детей в детских дошкольных учреждениях; бесплатное или дешевое питание, оплата транспортных расходов, отдыха работников и членов их семей. Патернализм

является как наследием советских производственных отношений, так и сознательной стратегией менеджмента, имеющей целью «привязать» работников к предприятию для противодействия текучести кадров и обеспечения их лояльности руководству. В России сегодня подобные льготы по месту работы и надежные рабочие места являются, скорее, механизмом «негативного отбора» - они удерживают, прежде всего, тех, кто не может претендовать на высокооплачиваемые рабочие места в частном секторе экономики.

Последствия зависимости: властные преимущества работодателя.

Зависимость работника от работодателя ведет к 1) ограничению / нарушению прав работника, 2) недооплате его труда. Зависимый работник более «покладист», его самооценка существенно занижена, поэтому им легко манипулировать. Упоминают такие нарушения своих прав, как плохие условия труда, 31% зависимых и 13% независимых женщин, задержки выплат зарплаты – соответственно 21 и 7%, угрозы увольнения или перевода на более низкую должность за попытки защитить свои права – 17% зависимых и ни одной из независимых. Медианный месячный доход зависимых работающих женщин составил 3100 руб., независимых – 5000.

Анализ данных интервью позволил выделить два основных типа зависимых от работодателя женщин. Первый представлен «патерналистским» типом зависимости (большой стаж работы на предприятии, проживание в предоставленном предприятием жилье, неоднократное обращение к начальству за различными видами помощи). В интервью таких женщин звучала риторика «доброе начальства», «понимающего», «внимательного» к нуждам работников. Нормой в отношениях зависимости этого типа являются неформальные соглашения, помощь работнику в обмен на возможность воспользоваться им, например, для сверхурочных работ; кроме того, зависимые от предприятия работники остаются на нем даже в самые тяжелые времена, смиряясь с низким размером заработной платы и/или ее невыплатами. Таким образом, властные преимущества работодателя в этом случае проявляются в виде «торга» (обещании большего объема благ или послабления трудового режима в обмен на уступчивость

работника) и «авторитета» (формирование лояльного к начальству работника, имеющего сильную идентификацию со своим предприятием).

Второй тип женской зависимости от работодателя представлен работниками в частном секторе экономики, прежде всего, торговле и общественном питании. Здесь «патерналистская» составляющая взаимоотношений работодателя и работника практически отсутствует, при этом издержками зависимости становится абсолютная социальная незащищенность работника. *В минимаркетах работников не ценят, нет такой цели, чтобы им тепло зимой было, чтобы летом вентиляция. Делают все так, что хорошие уходят, а тех можно выгнать в любой момент, зарплату не заплатит... Ночью работать, а никаких охранников... На меня налетел однажды наркоман с бутылкой, ничего не сообразил. Хотела уйти, но опять же из-за этих денег...* (продавец, 49 лет). Поэтому в данном случае власть работодателя проявляется в форме принуждения (угроза потери рабочего места или сокращения заработка).

Зависимость от государства

Женщины составили 70% в группе респондентов с наивысшим значением индекса зависимости от государства, в то время как мужчины преобладают в группе независимых (62%). Это является отражением общей тенденции того, что как в России, так и в развитых странах мира женщины значительно чаще мужчин являются потребителями государственных социальных благ и услуг.

Государство как основной поставщик ресурсов. Для значительного количества семей государство является существенным источником экономической поддержки благодаря как прямым выплатам в рамках систем социального обеспечения и социального страхования, так и льготам, позволяющим минимизировать собственные расходы граждан. 39% женщин и 27% мужчин считают, что они нуждаются в материальной помощи со стороны государства, еще 53 и 59% соответственно ответили, что *«Особой нужды нет, но от безвозмездной помощи не отказались бы»*. Лишь 14% мужчин и 7% женщин ответили, что не нуждаются в помощи. Женщины чаще получают льготы, услуги и выплаты от

государства и считают эту помощь важной. За 12 месяцев, предшествовавших опросу, услугами бесплатного здравоохранения пользовались 40% женщин и 26% мужчин, уходили на больничные 31% женщин и 20% мужчин, получали детские пособия 32% женщин и 9% мужчин, пользовались льготами по оплате услуг ЖКХ 24% женщин и 14% мужчин, 8% женщин уходили в отпуска по рождению ребенка.

Трудоспособные женщины, в наибольшей степени зависимые от государства – это матери несовершеннолетних детей, преимущественно одинокие, из малообеспеченных семей, получающие детские пособия и пособия как матери-одиночки. Сами пособия ввиду их низкого размера носят для бюджетов их семей второстепенный характер и используются по мере накопления – протянуть от зарплаты до зарплаты, на непредвиденные расходы, на подарки детям. Гораздо большее значение для экономии семейного бюджета имеют для них льготы по оплате услуг ЖКХ.

Отношения гражданина с государством по определению носят деперсонифицированный характер, и объектом социальной защиты сегодня являются не индивиды, но *категории граждан*, то есть статистические группы, объединенные некими формальными признаками. Характерной чертой современной российской системы социальной защиты является «размазанность» социальных выплат по более чем 200 льготным категориям населения. Поэтому среди трудоспособных граждан практически не существует «андекласса» в западном понимании, то есть социального слоя, в основном живущего за счет государственных пособий (см. [2]). Установки на зависимость от государства в России являются, скорее, феноменом культуры мейнстрима, нежели атрибутом социально исключенных групп населения. Как мужчины, так и женщины считают, что государство должно обеспечивать всех своих граждан гарантированным доходом на уровне прожиточного минимума (92%) и обеспечивать их работой (89%) и сносным жильем (89%), и не согласны, что *«Гарантированные материальные блага развращают людей, лишая их стимулов упорного труда»* (49%

не согласных) и что «Государственная помощь унижает трудоспособного человека» (69% не согласных).

Неэквивалентный характер обмена. «Неэквивалентность» обмена в данном случае выражается в том, что женщины ввиду более низких заработных плат, перерывов в карьере или просто отсутствия доходов меньше участвуют в наполнении общего котла ресурсов, идущих на социальное страхование и социальное обеспечение, и больше получают из него. Главный фактор, определяющий зависимость от помощи государства – это бедность. Женщины преобладают в группе малообеспеченных и бедных респондентов (62%), в то время как мужчины составляют большинство в обеспеченной и богатой группах (64%). Интересно, что по всей выборке состоящих в браке респондентов наиболее бедными были как семьи с неработающими женщинами, так и семьи, где женщины являются основными кормильцами (с экономически несостоятельными мужчинами). Как женщины, так и мужчины с наивысшим индексом зависимости от государства имеют медианный ежемесячный доход 2500 руб.; среднедушевой месячный доход в их семьях составляет 1600 руб. Напротив, независимые мужчины зарабатывают в среднем 7000 руб., женщины – 4000.

Помимо бедности и высокой иждивенческой нагрузки в их семьях, многих из этих женщин объединяло отсутствие попыток улучшить свое материальное положение. Частично они были ограничены объективными обстоятельствами – отсутствием помощи по уходу за детьми. Однако на уровне установок многих женщин просматривалось ожидание, что государство обязано их содержать. «Соглашаясь» отказаться от помощи государства, они фактически предлагают заменить один вид государственной поддержки на другой: *Пусть зарплату прибавляют. Мы требуем разве? Чего нам зарплату не добавляют? Мы же не виноваты, что нам такие копейки платят. Нищенская зарплата, ни у кого нет такой зарплаты, 1300 рублей в месяц. Пусть зарплату индексируют, как пенсию...* (мать-одиночка, 45 лет, медсестра).

Последствия зависимости. Экономическая зависимость не ведет к прямому подавлению граждан со стороны государства вследствие уже упоминав-

шихся их деперсонифицированных отношений, а также потому, что в условиях современной социально-политической системы России объем гражданских прав не определяется тем, вкладывает гражданин ресурсы в общий котел своими налоговыми и пенсионными отчислениями или, наоборот, забирает их оттуда в виде выплат по системам социального страхования и социального обеспечения. По этой причине данные массового опроса не позволяют зафиксировать индивидуальный опыт ограничения прав и свобод людей вследствие их зависимости от государства.

Однако такие ограничения все-таки существуют, но носят они надиндивидуальный, социетальный характер и связаны с процессами стереотипизации и дискриминации женщин как группы. И в массовом сознании, и в политической риторике, и даже в учебниках по социальной работе женщины часто рассматриваются недифференцированно – как «социально незащищенная группа»¹. Распространенность такой позиции определяет «собесовский» фокус рассмотрения положения женщин – усиление социальной защиты материнства, расширение льгот работающим матерям, увеличение размера детских пособий и продолжительности отпуска по уходу за ребенком (который в развитых странах составляет от нескольких недель до нескольких месяцев, в России – до трех лет), вплоть до выплаты достаточного для жизни пособия, чтобы мать могла не работать.

Порочность такого подхода заключается в попытке компенсировать женский неоплачиваемый труд по уходу за детьми и обслуживанию членов своих семей, не подвергая сомнению основу основ гендерного неравенства в экономической сфере – ассоциацию домашнего труда исключительно (или преимущественно) с женщиной. Цель таких программ – облегчение положения женщины в условиях гендерного неравенства, а вовсе не устранение гендерного неравенства как такового. Бремя домашнего труда обуславливает женские недостижимые ценности в сфере оплачиваемой занятости и выбор стратегии

¹ Например, в программе Н. Сванидзе «Зеркало» 14 февраля 2004 г. В. Лукин на вопрос, какими проблемами он будет заниматься в качестве Уполномоченного Президентом РФ по правам человека, ответил, что есть наиболее острые, требующие безотлагательного решения проблемы: дети (сироты, из неблагополучных семей, беспризорные); женщины; инвалиды; заключенные.

«удобной» работы, обеспечивающей им умеренную трудовую нагрузку (в интервью некоторые женщины даже отмечали, что рассматривают свою работу как возможность *«отдохнуть от домашних дел»*); нормированный в соответствии с трудовым законодательством рабочий день; относительно надежные рабочие места; хорошие условия труда; социальные блага и льготы по месту работы. Такая стратегия эффективна в плане распределения нагрузки между семейными и профессиональными обязанностями, но при этом не позволяет женщинам достичь уровня мужских заработков.

Кроме того, наделяя работающую мать большим объемом социальных гарантий, российское трудовое законодательство никак не учитывает издержки работодателя, связанные с выбытием работника. Реакцией последних становится либо отказ женщине в трудоустройстве (*«как с конвейера сократили, я не могла места найти. Я тыкалась не в одно место – нигде не брали, им невыгодно было. Говорят: “месяца два поработаешь, а потом в декрет – вы нам не нужны”*»; *«опять же, узнают, что у меня маленькие дети до 5 лет, естественно, в такую фирму [с хорошей зарплатой] не берут»*), либо помещение женщин на низкооплачиваемые, легко замещаемые должности. Результат – вертикальная и горизонтальная сегрегация рынка труда, концентрация женщин в низкооплачиваемых секторах экономики и на низших уровнях профессиональной иерархии. Женщинам остается «защищенный», но низкооплачиваемый сектор занятости, где уровень заработных плат слабо дифференцирован и зависит не от рыночной эффективности работника, а от стажа работы. Таким образом, защитные нормы трудового законодательства, нацеленные на *часть* женщин, негативно сказываются на возможностях *большинства* женщин на рынке труда.

Зависимость в семье

Женщины составили 64% экономически зависимых в семье респондентов – проживающих в домохозяйствах, состоящих из 2 и более человек и вносящих в семейный бюджет менее 10% доходов. Мужчины преобладают в группе «кормильцев» (62% среди тех, кто вносит в семейный бюджет от 75 до 100%).

В социальной теории феминизма экономическая зависимость замужних женщин рассматривается как один из важнейших механизмов, которыми поддерживается подчиненная позиция женщин в обществе [3-4]. Делались попытки измерения степени этой зависимости [5-7], анализировались различные аспекты властных отношений в семье, возникающие на основе экономической зависимости женщины [8-10]. Настоящее исследование выявило, что в проявлениях и последствиях экономической зависимости женщин в России и на Западе есть как общие моменты, так и существенные отличия.

Отсутствие альтернативного источника ресурсов. Непосредственной причиной женской зависимости в семье является либо отсутствие собственных доходов, либо их низкий уровень. Экономически зависимыми в семье оказались 15% опрошенных женщин. Из них 35% находились в отпуске по уходу за ребенком, 22% были домохозяйками, по 16% - учащимися и безработными, 10% работали. Как видим, для двух третей женщин экономическая зависимость – временное и в некоторой степени вынужденное состояние, и лишь для пятой части – сознательный выбор. 43% зависимых женщин младше 25 лет, еще 38% находятся в возрасте от 25 до 34 лет. По своему семейному положению 68% зависимых женщин состояли в браке (зарегистрированном и незарегистрированном), 25% никогда не были замужем. Для сравнения, среди мужчин зависимых в семье было 9%, из них треть были безработными, 29% работали по найму, четверть были учащимися. Таким образом, если в самой молодой возрастной группе причины зависимости женщин и мужчин в семье одинаковы – обучение по дневной форме – то в возрасте старше 25 лет женская зависимость связана с состоянием в браке и уходом за детьми, мужская – с экономической неуспешностью – нестабильной занятостью и низкими доходами.

Заменимость зависимой женщины. Говорить о «заменимости», когда речь идет об отношениях брачных партнеров, можно, конечно, с большими оговорками. Ни материальная поддержка, ни домашний труд не могут быть так же легко предложены другим «потребителям», как в случае оплачиваемой занятости [11, р. 34], поэтому «торг» между брачными партнерами может быть оха-

рактизован скорее как «двусторонняя монополия» [12]. Однако в экономическом плане традиционное разделение труда предполагает, что мужчина может предложить более редкий, престижный и ликвидный ресурс – материальную обеспеченность, в то время как женщина – более универсальный и не требующий уникальных умений и качеств – деторождение и ведение домашнего хозяйства, что потенциально ставит женщин в более уязвимое положение. В совокупности экономические и культурные причины обуславливают более ранний возраст замужества женщин, а также ее стремление сохранить брак. После замужества женщины в большей степени, чем мужчины, меняют свою повседневную жизнь, в целом совершают больше «личностных приспособлений», «переопределяют» себя, чтобы соответствовать требованиям своих мужей [13, р. 158-159]. Тот факт, что инициаторами разводов, тем не менее, чаще являются женщины, свидетельствует не о меньшей ценности брака для них, а о крайне неблагоприятных отношениях в браке. Так, разведенные женщины в числе основных причин развода отметили пьянство (40%), неспособность обеспечить семью (33%), супружескую неверность (29%), бытовые неурядицы (27%), плохое обращение, противоправное поведение (24%).

Неэквивалентный характер обмена. В экономическом плане неэквивалентность обмена очевидна – мужчина либо содержит не имеющую собственных доходов женщину, либо существенно «добавляет» к ее доходам, расширяя ее возможности потребления за счет общего семейного котла. Объективная оценка стоимости выполняемого женщинами домашнего труда затруднена неопределенными обязательствами в этой сфере; отсутствием жестких стандартов качества; невозможностью аккумуляции результатов; неопределенностью временных затрат на домашний труд и грани между домашним трудом и досуговыми занятиями. Таким образом, неформальная природа контракта брачных партнеров оставляет определение критериев эквивалентности на их усмотрение. Признание характера обмена между мужем-кормильцем и зависимой женой эквивалентным будет способствовать «игре сотрудничества» между супру-

гами; неэквивалентным – модели отношений по схеме «торга» и «принуждения», то есть отношениям власти.

Социальные последствия экономической зависимости. Имеется большое количество работ, отмечающих негативные последствия экономической зависимости женщин в семье. Утверждается, что властные различия между мужчиной и женщиной прямо связаны с их различным вкладом в семейный бюджет [5, p. 662]. Используя вышеупомянутую концепцию «выхода» и «голоса», Р. Листер и Б. Хобсон выявили, что, чем ниже женский потенциал заработка, тем меньше у нее возможности «выхода», следовательно, тем слабее ее «голос» в семье [14, p. 237-238; 15, p. 112]. Листер выделила три последствия финансовой зависимости женщины от мужчины: недостаток контроля; недостаток прав; необходимость отчитываться за трату денег [16, p. 451]. К ним можно добавить еще как минимум три: несение основного бремени домашнего труда; экономическая уязвимость; социально-психологический дискомфорт от зависимого статуса.

Экономическая уязвимость. Еще более 20 лет назад К. Доулинг в своем бестселлере «Комплекс Золушки» писала о «розовых очках» американских домохозяек, отказывающихся признать, насколько ненадежна их жизнь, и что «защищенность» молодых замужних женщин оборачивается бедностью пожилых вдов [13, p. 49, 52]. Данные зарубежных исследований показывают, что финансовое положение разведенных и вдовых женщин оказывается хуже по сравнению с разведенными мужчинами или вдовцами [17]. Согласно моим данным, материальное положение после развода у большинства разведенных – как мужчин, так и женщин – улучшилось (по 42%), однако среди женщин значительно выше доля тех, у кого оно ухудшилось (20%, среди мужчин – всего 4%).

Ограничение «права голоса» в семье. Как таковая, финансовая зависимость редко ограничивает женщин в их правах и возможностях контроля. Зависимость не позволяет женщине доминировать, но и не лишает ее права голоса в семье: они, как правило, имеют одинаковое слово в принятии важных семейных решений. Однако на возможности контроля сильно влияет другой фактор, по

понятным причинам не рассмотренный в западной феминистской традиции: отсутствие у большого количества семей собственного жилья. Проживание на жилплощади родственников мужа – еще один аспект экономической зависимости женщины, который может быть использован против нее: *Здесь я человек подневольный, зависимый от всех и вся. Я и дети на куриных правах. Никакого слова, только через мужа. Одна я туда [к свекрови] даже не суюсь. Потому что бесполезно* (домохозяйка, 29 лет).

Ограничение доступа к экономическим ресурсам домохозяйства. Зависимые тратят лично на себя в среднем в месяц вдвое меньше (500 руб.), чем остальные группы женщин (1000 руб.). В зарубежной литературе факт меньшего личного потребления получил название «скрытой бедности» женщин [10, р. 98].

Насилие. Связь экономической зависимости и насилия в семьях отмечена зарубежными исследователями [18]. Эмпирические исследования американских психологов показали, что, в то время как объективные показатели зависимости жен от мужей (индексы финансовой зависимости) сильно коррелировали с вероятностью очень жестокого обращения (сильными побоями), индексы субъективной (эмоциональной) зависимости лучше предсказывали менее жестокие формы насилия [19].

Данные **табл. 1** показывают наличие слабой позитивной корреляции между финансовой зависимостью женщин в семье и уровнем насилия в отношении них. Небольшое количество женщин, отметивших наличие физического насилия по отношению к ним, возвращает нас к проблеме получения надежных статистических данных о насилии в семье: с одной стороны, сотрудники кризисных центров и активисты женских организаций, оценивая долю таких семей в 20-25%, вероятно, склонны преувеличивать масштабы проблемы, с другой – в массовых опросах респонденты неохотно делятся столь деликатной информацией, а иногда просто не рассматривают семейные конфликты с рукоприкладством как значимую проблему: *Толчки бывают. Но такого нет... Ну, стукнет, бывает, руку сожмет, сила ведь какая у мужика... Стукнуть, зажать где-*

Наличие различных видов насилия по отношению к респонденткам
(%)

<i>Виды насилия</i>	<i>Положительные ответы по группам женщин</i>		
	<i>Зависимые (0-9% семейного бюджета)</i>	<i>Вкладывающие от 10 до 73%</i>	<i>Кормильцы (75-100% бюджета)</i>
<i>Контроль за Вашими расходами, отказ выдавать деньги на Ваши нужды</i>	37	26	8
<i>Психологическое насилие (угрозы, крики, брань, оскорбления)</i>	28	17	12
<i>Ограничение свободы поведения (заточение в доме, препятствия в общении с друзьями, родственниками)</i>	22	15	7
<i>Запрещение работать</i>	19	7	2
<i>Физическое насилие (побои, толчки, причинение боли, вреда здоровью, сексуальное принуждение)</i>	7	3	2
<i>Среднее количество видов насилия</i>	1,4	0,8	0,5

то... Ну это бывает в сильной ругани. Если я на своей точке зрения стою. Когда он выпивши. Чтобы я замолчала [смеется] (рабочая, 30 лет).

Дискомфорт от зависимого статуса. Даже при отсутствии прямого подавления в виде насилия или ограничения прав экономическая зависимость способствует психологическому дискомфорту и низкой самооценке зависимых женщин. Это проявляется в чувстве собственной неполноценности, что женщина «сидит на шее у мужа», «не может сама заработать себе на хлеб». Главным фактором дискомфорта от зависимого статуса были установки самих женщин на самореализацию в профессиональной сфере. Такие женщины воспринимают свою зависимость как вынужденное состояние и стремятся как можно быстрее выйти на работу после рождения ребенка. Напротив, дискомфорт практически не отмечался женщинами из рабочего класса.

Несение основного бремени домашнего труда. Медианные женские временные затраты на домашнюю работу вдвое превосходят мужские (соответственно 20 и 10 часов в неделю), а затраты зависимых женщин вдвое превосходят медианные женские – 42 часа (для сравнения, типичный экономически зависимый в семье мужчина не принимает «женскую» модель активного участия в домашнем хозяйстве – его временные затраты увеличиваются лишь до 12 часов в неделю). Такое распределение домашних обязанностей устраивает большинство женщин, принимающих патриархальную норму гендерного разделения труда как «неизбежную» (*кто виноват, что я женщиной родилась? Всю жизнь хозяйство лежит на женщине. Куда денешься?*). Среди зависимых несколько больше тех, кто в целом не удовлетворен существующим распределением домашнего труда, и значительно больше тех, в чьих семьях существуют конфликты по поводу распределения домашних обязанностей (см. **табл. 2**).

Большинство указанных выше публикаций, посвященных положению женщин в семье, написаны в феминистской традиции и акцентируют внимание на негативных последствиях экономической зависимости. Результаты моего исследования 1999 г. [20-22], как казалось, также подтверждали прямую связь экономической зависимости с бесправием и эксплуатацией женщины, однако

Удовлетворенность женщин распределением домашних обязанностей в их семьях (%)

Распределение домашних обязанностей в семье...	Ответы по группам женщин		
	Зависимые (0-9% семейного бюджета)	Вкладывающие от 10 до 73%	Кормильцы (75-100% бюджета)
Не устраивает	18	15	14
Устраивает	68	72	76
Наличие конфликтов из-за распределения домашних обязанностей	56	47	42

исследование 2004 г. не позволяет делать столь однозначных выводов. Объяснить это я могу тем, что в 1999 г. углубленные интервью проводились по целевой выборке – с домохозяйками преимущественно из обеспеченных семей, чье положение действительно близко к описанным в зарубежной литературе домохозяйкам из среднего класса. Однако в 2004 г. респондентки для интервью отбирались по результатам массового опроса, показавшего, что в России «типичными» зависимыми в семье женщинами являются вовсе не жены «новых русских», а домохозяйки и находящиеся в отпусках по уходу за ребенком женщины из средне- и малообеспеченных семей: среднедушевые доходы в их семьях в полтора-два раза ниже, чем в семьях работающих женщин. Было установлено, что уязвимость феминистского подхода к анализу зависимости женщин в семье заключается в методологическом упрощении, что а) отношения провайдера и зависимого обязательно выстраиваются по модели «торга»; б) эти отношения являются универсальными независимо от социального класса и материального положения семей. Между тем, трансформации экономических преимуществ провайдера во властные не происходит в следующих случаях:

1. Отношения между брачными партнерами выстраиваются по «модели сотрудничества», то есть традиционное гендерное разделение труда устраивает обоих партнеров, их вклад в экономическое благополучие семьи признается функционально эквивалентным. «Модель сотрудничества» характеризуется высоким уровнем доверия между партнерами, их приверженности одинаковым ценностям в семейной сфере. В этом случае потенциальная власть мужчин над зависимыми женами остается не востребованной.

2. Экономическая роль женщины в условиях недостаточного семейного дохода значительна. Если в обеспеченных домохозяйствах доминирует либо эгалитарная, либо патриархальная модель распределения ресурсов и власти, то в большинстве бедных и малообеспеченных большей экономической властью обладают жены. Когда мужчина не в состоянии обеспечить безбедное существование семьи, роль женщины в домохозяйстве повышается – благодаря своему умению экономить и находить незарплатные источники поддержки она контро-

лирует семейный бюджет и обеспечивает возможность существования семьи в условиях недостаточного дохода. Как свидетельствуют результаты интервью, в этом случае часто происходит инверсия традиционных гендерных ролей – уже не мужчина, а женщина контролирует доходы и расходы супруга, определяет его границы индивидуальной свободы. *Ну, есть у нас договоренность, что когда [муж] получает зарплату, я разрешаю ему время от времени с мужиками пивка попить. Но только чтобы вовремя домой пришел. И деньги не тратил* (домохозяйка, 29 лет).

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что взаимосвязь финансовой зависимости женщин в семье и их патриархальным подавлением носит нелинейный характер и обусловлена влиянием других факторов – прежде всего, характером взаимоотношений между супругами и материальным положением семьи. Наиболее вероятна трансформация экономической зависимости во властные отношения в высокодоходных семьях, где отношения супругов строятся по «модели торга», наименее – в бедных, где женщина контролирует семейный бюджет. Экономическая зависимость не ведет к прямому подавлению женщины, но всегда оставляет провайдеру *потенциальную власть* над ней, которая остается не востребованной в «игре сотрудничества» и к которой прибегают в случае столкновения интересов провайдера и зависимого. К. Дельфи и Д. Леонард назвали такую стратегию кормильцев «благожелательным деспотизмом», при котором они «решают воздержаться от использования своих привилегий, хотя при этом могут вернуть их себе в любой момент» [23, р. 64].

Основные выводы исследования

Женщины преобладают во всех трех группах респондентов, имеющих высшие значения индексов зависимости. Сильно зависимы от своих работодателей 16% женщин, от мужей и других членов семьи - 15%, от государства - 13%. Учитывая, что эти группы частично перекрываются, можно сделать вывод, что среди всех женщин трудоспособного возраста доля зависимых составляет примерно четвертую часть.

К «объективным» причинам социально-экономической зависимости женщин относятся: 1) традиционное гендерное разделение труда, при котором возможности женщин иметь достаточный независимый доход ограничены несением ими основного бремени домашнего труда; 2) невысокий образовательный и профессиональный капитал самих женщин; 3) «защитная» политика государства, способствующая процессам стереотипизации и статистической дискриминации женщин. «Субъективной» причиной социально-экономической зависимости женщин является их конформизм перед патриархальными нормами, предписывающими женщине реализовываться, прежде всего, в семейной сфере. Приверженность патриархальным нормам облегчает адаптацию к зависимому состоянию, обуславливает его восприятие как «нормальное» для женщины состояние. Ввиду этого, даже обладая достаточным профессиональным потенциалом, женщины оставляют его недоиспользованным.

Экономическая зависимость женщин приводит к их уязвимости как в экономическом, так и в социальном плане. Монополия на необходимые женщинам экономические ресурсы обеспечивает провайдерам потенциальную власть над ними, которая в любое время может быть востребована. Динамика социально-экономической зависимости подтверждает тот факт, что приватная и публичная сферы тесно переплетены и положение женщин в одной сфере непосредственным образом влияет на положение в другой, что обуславливает существование *порочного круга зависимости*:

1. Экономическая зависимость в семье оправдывает традиционное гендерное разделение труда, ослабляя позицию женщины в «торге» внутри домохозяйства;
2. → Большая нагрузка в домашнем хозяйстве и перерывы в трудовой карьере снижают востребованность женщин на рынке труда и являются причиной их низких личных доходов;
3. → Низкие личные доходы обуславливают экономическую зависимость женщин в семье.

Содействовать достижению экономической независимости женщин и в конечном итоге – гендерного равенства в экономической сфере – могут не «защитные» меры социального и трудового законодательства, а изменения в частной сфере. Как удачно выразился М. Киммел, вслед за великой социальной трансформацией XX века – массовым выходом женщин на рынок труда – должна последовать социальная трансформация XXI века – возвращение мужчин в семью [24, р. 267]. Шансы женщин и мужчин на рынке труда уравниваются при условии «дегендеризации» домашней работы и ухода за детьми. Если основной советской социальной политики была идея, что *работа не должна мешать исполнению женщиной ее семейных обязанностей*, то сегодня, на мой взгляд, такая политика должна исходить из того, чтобы *семейные обязанности не препятствовали профессиональной карьере женщины*. Государство должно способствовать этой трансформации, заменив длительные материнские отпуска по уходу за ребенком и большинство «защитных» мер трудового законодательства обеспечением возможностей трудовой мобильности женщин. Это достижимо при наличии широкой и, главное, гибкой системы услуг по уходу за детьми, предоставляемых сегодня частным сектором экономики и, следовательно, доступных пока что лишь ограниченному количеству самых обеспеченных семей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hirschman A.O.* Exit, Voice, and Loyalty : Responses to Decline in Firms, Organizations, and Strategies. Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 1970.
2. *Балабанова Е.С.* Андекласс: понятие и место в обществе // Социологические исследования, 1999. № 12.
3. *Hartmann H.* Capitalism, Patriarchy and Job Segregation by Sex // Signs, 1976. Vol. 1. P. 137-168.
4. *Delphy C.* Close to Home: A Materialist Analysis of Women's Oppression. Amherst: University of Massachusetts Press, 1984.
5. *Sorensen A., McLanahan S.* Married Women's Economic Dependency, 1940-1980 // American Journal of Sociology, November 1987. Vol. 93. No. 3.
6. *Berkel M. van, Graaf N.D. de.* Married Women's Economic Dependency in the Netherlands, 1979-1991 // British Journal of Sociology, March 1998. Vol. 19. No. 1.
7. *Stier H., Mandel H.* Inequality in the Family: The Institutional Aspects of Wives' Earning Dependency // Luxembourg Income Study. Working Paper no. 359. October 2003.
<http://www.lisproject.org/publications/liswps/359.pdf>
8. *Brines J.* Economic Dependency, Gender, and the Division of Labor at Home // American Journal of Sociology. 1994. Vol. 100. No. 3.
9. *Young I.* Mothers, citizenship and independence: a critique of pure family values // Ethics, 1995. Vol. 105.
10. *Ward C., Dale A., Joshi H.* Income Dependency within Couples // Gender Relations in Public and Private: New Research Perspectives / Ed. L. Morris and E.S. Lyon. L.: Macmillan Press Ltd, 1996.

11. *Walby S.* Gender, Class, and Stratification: Toward a New Approach // Gender and Stratification / Ed. R. Crompton and M. Mann. Cambridge: Polity Press, 1986.
12. *England P., Farkas G.* Households, Employment, and Gender: A Social, Economic, and Demographic View. N.Y.: Aldine De Gruyter, 1986.
13. *Dowling C.* The Cinderella Complex. Women's Hidden Fear of Independence. N.Y.: Summit Books, 1981.
14. *Hobson B.* No exit, no voice: women's economic dependency and the welfare state // Acta Sociologica, 1990. Vol. 33. No. 3.
15. *Lister R.* Citizenship: Feminist Perspectives. 2nd ed. N.Y.: New York University Press, 2003.
16. *Lister R.* Women, Economic Dependency and Citizenship // Journal of Social Policy. October 1990. Vol. 19. Part 4.
17. *Gregory J., Foster K.* The Consequences of Divorce. L.: HMSO, 1990.
18. *Russel D.E.H.* Rape in Marriage. N.Y.: Macmillan, 1982.
19. *Kalmuss D.S., Straus M.A.* Wife's marital dependency and wife abuse // Journal of Marriage and the family, 1982. Vol. 44. P. 277-286.
20. *Балабанова Е.С.* Зависимость женщин: теоретические подходы к изучению // Гендерные исследования, № 4. 2000;
21. *Балабанова Е.С.* Социально-экономическая зависимость женщин // Экономическая социология. 2003. Том 4. № 3.
<http://www.ecsoc.msses.ru/pdf/ecsoc015.pdf>;
22. *Балабанова Е.С.* Социально-экономическая зависимость: история, теория, современность. Н. Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2004.
23. *Delphy C., Leonard D.* Class Analysis, Gender Analysis, and the Family // Gender and Stratification / Ed. R. Crompton and M. Mann. Cambridge: Polity Press, 1986.
24. *Kimmel M.* The Gendered Society. N.Y. & Oxford: Oxford University press, 2000.